

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ЗМЕЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона, Кольский
научный центр РАН (Апатиты, Российская Федерация)
zmeyeva@rambler.ru

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона, Кольский
научный центр РАН (Апатиты, Российская Федерация)
irinarazumova@yandex.ru

СААМСКОЕ ПРЕДАНИЕ КАК «ИСТОЧНИК» ПО ИСТОРИИ БОРЬБЫ С ЛАВИНАМИ В ХИБИНАХ*

Статья посвящена проблеме взаимодействия фольклорных и литературных источников в процессе конструирования истории освоения северной территории. Проблема рассматривается на материале текстов мемуарно-биографической, очерковой, краеведческой и специальной литературы, которая так или иначе обращена к истории борьбы с лавинами и к деятельности по обеспечению безопасности в районе Хибин. В отсутствие постоянного старожильского населения и систематических наблюдений обращение к знаниям коренных жителей оставалось единственным средством получить информацию о снежных потоках. В массиве литературных источников в качестве прецедентного используется текст саамского исторического предания о борьбе с внешними врагами. Использование фольклорного сюжета помогает сконструировать историю места и определить в ней миссию «покорителей природы». То же предание на сайтах сети Интернет используется в иных функциях и наделяется другими значениями. Анализ текстов способствует прояснению механизма освоения и пересемантизации фольклорного источника книжной и медийной культурами.

Ключевые слова: литература, фольклор, предание, источник, саамы, лавины, освоение Севера

Рассуждения специалистов-гляциологов, географов, историков-краеведов о лавинной опасности в Хибинах часто начинаются с изложения фольклорного сюжета о противостоянии коренного народа Кольского полуострова саами врагам-пришельцам. Авторы приводят текст предания, кратко или подробно пересказывая его, а в ряде случаев отсылают к записям В. Ю. Визе. Речь идет о фольклорно-этнографических материалах, собранных в 1912 году на Кольском полуострове известным впоследствии полярным исследователем. Записи были сделаны «со слов имандрских и пулозерских лопарей» и опубликованы в 1917 году в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» [8: 15–24]. Во всех рассмотренных нами литературных текстах приводятся варианты «Сказания о нашествии “немцев” и о том, как лопари хитростью избавились от них (второй нагон)», записанного В. Ю. Визе от Аграфены Архиповой и атрибутированного: «Имандра, 3/VI – 1912» [8: 20–21]. Авторы специальной, мемуарно-биографической и историко-краеведческой, литературы упоминают имя собирателя и даже время записи исходного текста (1912 год). Однако, несмотря на то что большей частью публикации претендуют на документальность и историческую достоверность, источник фактически нигде не обозначен. Это свойство отличает «краеведческую» литературу от научно-исторической. Писатели и мемуаристы вольны обращаться с текстами по своему усмо-

трению, а что касается специалистов в других областях знания, их научным дисциплинам понятие исторического источника нерелевантно. В единственном случае автор интересных и познавательных мемуаров об истории борьбы с лавинами в Хибинах [3] попытался сослаться на исходную публикацию, но ограничился указанием на несуществующую книгу В. Ю. Визе «Легенды о лопарях». Опираясь на известные исторические знания и представления (вряд ли только собственные), Ю. Л. Зюзин даже связал содержание данного предания с определенными временем и местом и воспроизвел вариант топонимического предания: «Место, где в конце XVI века погибли захватчики, екостровские саами называли “Ущельем мертвых” или по-лопарски – Юмекорр. Это ущелье находится в западной части Хибин» [3: 6]. Этот частный случай показывает закономерное бытование и восприятие фольклора как совокупности текстов, которые принадлежат всем и никому в отдельности. Фольклорный текст имеет собирателя, публикатора, но не имеет автора, а потому вполне допускает свободное с ним обращение и порождает новые тексты.

Авторы используют сюжет в качестве одного из доказательств лавинной активности в Хибинах, то есть в данном случае имеет значение исключительно территория, на которой он был зафиксирован и о которой идет речь. Как известно, устные предания становились основой раннеисторических текстов, когда их достоверность не

подвергалась сомнению носителями культуры, в частности летописцами. Маловероятно, чтобы современные литераторы не видели различий между документальным и фольклорным источником. Но, во-первых, будучи когда-то и кем-то опубликованным, текст уже приобретает свойства документа, во-вторых, в целостном повествовании он используется не только в качестве исторического доказательства. «Сказание о нашествии “немцев”» прозаик Г. А. Горышин называет «единственным письменным “документом” о лавинах» [2: 162]. Слово «документ» он естественным образом заключает в кавычки. Такое же отношение к фольклорному источнику подтверждают устные высказывания т. Семерова, одного из участников «Заседания комиссии по принятию мер против снежных обвалов», которое проходило 17 декабря 1935 года: «Я интересовался снежными обвалами в Хибинах, потому что наблюдал их. После обвала, который произо-

шел с Айкуайвентчорра и который поразил меня, я стал искать литературу, но не нашел ничего, кроме записи лопарских преданий, сделанных Визе в 1912 году»¹.

Признавая и принимая фольклорную природу исходного рассказа, авторы называют его «преданием», «легендой», «сказанием», «сказкой». Сам факт, что это фольклорное произведение, и тем более его жанр большого значения не имеют. В конце концов, обладающий интересным сюжетом (без чего просто не сохранился бы) фольклорный рассказ украшает и разнообразит любое историческое повествование, географическое описание, биографию или документальный очерк, то есть он служит литературным целям. Разумеется, эти цели важнее для журналистов и краеведов, чем для физиков снега и технических специалистов.

Приведем исходный текст предания в записи Визе и два его варианта:

«Сказание о нашествии “немцев” и о том, как лопари хитростью избавились от них (второй нагон)» [8: 20–21]	Саамское «Сказание о нашествии немцев» ²	Саамское «Сказание о нашествии немцев» [2: 162–163]
<p>«Шли немцы нагоном грабить и убивать лопарей. Лопари убежали в Хибины³ (Umptek), на очень крутую пахту около Yimjegor’a⁴.</p> <p>Когда лопари пустились в бегство, оставалась в погосте лишь одна старушонка, которая и стала просить лопарей: “Не оставьте меня, возьмите с собой!” Лопари ее взяли, не бросили. Ничего старушка не захватила с собой, только осоку⁵, скрученную в жгуты. “Куда осоку-то берешь?” спросили ее лопари, старушка же только ответила: “Пригодится”.</p> <p>На крутом склоне той пахты, куда бежали лопари, снегу было очень много, на самом же верху пахты он сильно нависал. Зная опасность, с какой связан подъем по этой крутизне, лопари взобрались на пахту не прямым, а обходным путем. Когда они добрались до вершины пахты, старушка начала бросать вниз на крутой покрытый снегом склон осоку.</p> <p>Вскоре стали показываться и немцы. Подойдя к пахте, они увидели наверху народ, на склоне же заметили разбросанную осоку и, решив, что лопари поднялись с этой стороны, начали вставать⁶.</p> <p>Труден был подъем по оледенелому твердому снегу, стал топором ступеньки в снегу рубить. Тут внезапно снег обвалился и всех засыпал, похоронил.</p> <p>“Мой свекор на том месте нашел немецкую пуговицу”, закончила рассказчица⁷.</p>	<p>«Шли немцы грабить и убивать лопарей. Лопари убежали в Хибины, на очень крутую пахту⁸ Юлевчорра⁹.</p> <p>Когда лопари пустились в бегство, оставалась в погосте лишь одна старушка, которая и стала просить лопарей: “Не оставьте меня, возьмите с собой!” Лопари ее взяли, не бросили. Ничего старушка не захватила с собой, только осоку, скрученную в жгуты. “Куда осоку-то берешь?” – спросили ее лопари. Старушка же только ответила: “Пригодится”.</p> <p>На крутом склоне той пахты, куда бежали лопари, снегу было очень много, на самом же верху пахты он сильно нависал. Зная опасность, с какой связан подъем на этой крутизне, лопари взобрались на пахту не прямым, а обходным путем. Когда они добрались до вершины пахты, старушка начала бросать вниз на крутой, покрытый снегом склон осоку.</p> <p>Вскоре стали показываться и немцы. Подойдя к пахте, они увидели наверху народ, на склоне же заметили разбросанную осоку и, решив, что лопари подымались с этой стороны, начали вставать¹⁰.</p> <p>Труден был подъем по оледенелому твердому снегу, стали топором ступеньки в снегу рубить. Тут внезапно снег обвалился и всех засыпал, похоронил.</p>	<p>«...Шли немцы грабить и убивать лопарей. Лопари убежали в Хибины на очень крутую пахту¹¹ Юловчорра.</p> <p>Когда лопари пустились в бегство, оставалась в погосте лишь одна старушка, которая и стала просить лопарей: “Не оставьте меня, возьмите с собой!” Лопари ее взяли, не бросили. Ничего старушка не захватила с собой, только осоку, скрученную в жгуты. “Куда осоку-то берешь?” – спросили ее лопари. Старушка же только ответила: “Пригодится”.</p> <p>На крутом склоне, куда бежали лопари, снегу было очень много, на самом же верху пахты он сильно нависал. Идти прямо опасно было, и лопари забрались на пахту обходным путем. Когда они вззошли на вершину, старушка начала бросать вниз на крутой, покрытый снегом склон, осоку.</p> <p>Вскоре стали показываться и немцы. Подойдя к пахте, они увидели наверху народ, на склоне же заметили разбросанную осоку.</p> <p>Приняв ее за следы поднявшихся лопарей, начали немцы рубить в оледенелом лесу ступеньки и лезть по пахте наверх. Тут снег обвалился и всех засыпал, похоронил».</p>

Фактически это три литературных текста. Собирает В. Ю. Визе пересказал предание в соответствии с литературными нормами русского языка, взяв в кавычки только последнюю фразу исполнительницы. Это не точная передача фольклорного произведения. Научные нормы запи-

си и публикации устной речи к началу XX века были уже выработаны фольклористами, но по разным причинам они далеко не всегда соблюдались. Собирает уточнил топонимы, передав их латиницей, указал в примечаниях местонахождение объектов, пояснил один севернорусский

диалектизм, а также сделал одно примечание этнографического характера, касающееся саамской обуви и объясняющее важную для сюжета реалию. Заметим, что диалектное «нагон» (здесь: в значении «набег» или «натиск», «нагоном нагнать – пригнать кого-л. в большом количестве» [7: 423]), отсутствующее в словаре В. И. Даля, собиратель не пояснил.

Текст Визе спустя полвека дословно воспроизвел И. К. Зеленой – первый руководитель противолавинной службы в Хибинах. Предание включено в его неопубликованную рукопись, в которой обобщен опыт начального этапа борьбы с лавинами (см. примеч. 2). В этом варианте предания есть дополнительное пояснение к диалектному «пахта», исключены латинские обозначения топонимов, которые теперь передаются по-русски, вместо названия ущелья (Yimjegorr) приводится название горы (Юлевчорр). Пока трудно сказать, использовал автор публикацию Визе, или источником для него служил какой-то другой текст. Это касается и остальных вариантов, цепочку которых можно восстановить только на основе выявления всех републикаций и печатных пересказов сюжета. В варианте писателя Г. А. Горышина текст подвергся некоторому литературному вмешательству, стиль в нескольких местах стал легче для восприятия. Обратим внимание на то, что в вариантах Зеленого и Горышина из оригинала убрана заключительная фраза о «немецкой пуговице». Она содержала мотив, важный для фольклорного сюжета, но не имеющий значения с точки зрения той функции, которую предание выполняет в истории борьбы с лавинами.

Главное, что сделало рассказ, записанный в начале XX века, прецедентным текстом, – это, в первую очередь, смысл, который был нужен пишущим, но совершенно отсутствовал в фольклорном источнике: утверждение лавиноопасности Хибинских гор как природного объекта. Все рассмотренные нами сочинения (кроме самой публикации Визе) имеют определенную прагматику и, соответственно, идею. Они призваны доказать жизненную необходимость изучения движения снега в Хибинах и значение противолавинной деятельности. История этой деятельности предстает как преодоление людьми, осваивающими Север, разного рода препятствий, что и составляет внутренний стержень нарративов, какие бы конкретные задачи они ни выполняли и в рамках каких жанров, уже литературных, ни были написаны. Одновременно утверждаются социальные ценности: прославляется самоотверженный труд во имя безопасности человека и производства, а также его результаты. В конце концов, история должна иметь «предысторию», и она находится в квазиисторическом прошлом.

Обращение специалистов по физике снега, мемуаристов, биографов, очеркистов, которые

совместно создают историю борьбы с лавинами в Хибинах, к единственному имеющемуся преданию вызвано несколькими обстоятельствами. В отсутствие в Хибинах постоянного старожильского населения и, как следствие, систематических наблюдений и достоверных данных о лавинной опасности обращение к знаниям коренных жителей оставалось единственным средством получить хоть какую-то информацию о снежных потоках. «Что и говорить, небогатый арсенал знаний имелся в распоряжении хибинских новоселов для защиты от стихии», – пишет В. М. Смирнов, мемуарист и биограф В. Н. Аккуратова – одного из руководителей противолавинной службы [13: 7]. Специалисты вынуждены были ориентироваться на сведения, полученные от аборигенного населения. Будучи во власти устойчивых представлений о том, что фольклор аккумулирует «знания и опыт народа», они интерпретировали и использовали устный источник. Утверждение «сказка – ложь, да в ней намек» позволяет истолковывать себя не только в этическом или «философском», но и в натуралистическом смысле. Ссылаясь все на то же саамское предание, В. М. Смирнов подчеркивает: «Сказка – сказкой, но верно в ней подмечена и сокрушительная сила лавин, и одна из причин их образования – обрушение карнизов на заснеженные склоны» [13: 6].

Использование фольклорного сюжета помогает сконструировать историю места и определить в ней свою миссию. Если для людей, пришедших осваивать Север, сход лавины является событием, происшествием, то для местных жителей он представляется одним из условий существования, к которому аборигены вполне адаптировались. Один из смыслов «Сказания...» для автора книги о снеге и снежных обвалах заключается в том, что саамы знакомы со снежной опасностью с «незапамятных времен» [1: 49]. В повествованиях путешественников XIX – начала XX века факты происшествий, в том числе связанных со снежными обрушениями, практически отсутствовали. Хибины описывались как географический объект, жизнь саамов – в виде совокупности рутинных практик. Предание о нашествии немцев выполнило функции предыстории не только цивилизации, но и движения снега в Хибинских горах как части глобального процесса. Оно становится свидетельством постоянства, «привычности» лавинных обрушений в прошлом и одновременно знаком «гибельности» места для пребывания людей. Именно такое прошлое и должно быть преодолено усилиями «нового человека».

Снежные обвалы служат предостережением для «покорителей гор», которые убеждены в том, что коренные жители именно по этой причине не использовали Хибинский горный массив для постоянного места пребывания. В описании, выполненном в «эпическом» стиле, создается

красочный романтизированный образ саама: «Бежит по тундре упряжка, быстрее ветра несет ездока, а он подгоняет оленей, поглядывая на горы. Умен житель северных снегов. Он умеет задобрить злых духов Хибин приятными им словами, намекнет о своей храбрости, пригрозит осторожно царем-оленьем, который принесет на рогах солнце и оно лишит духов силы, растопив весной снег. Мудр житель северных снегов. Он мало верит в свои заклинания, саами больше надеется на стремительный бег сытых оленей. Сколько раз он видел в ущельях Хибин кладбища диких животных, заживо погребенных под снегом. Видно, неопытный вожак увел стадо навстречу гибели. Опасное место надолго запомнит саами и никогда больше не вернется туда» [1: 49].

Главным стимулом для обращения авторов, которые пишут историю освоения Хибинских гор, лавинных катастроф, анализируют свойства снега и т. д., к конкретному преданию послужило наличие в тексте, во-первых, указаний на географические объекты, во-вторых, мотива гибели людей как последствия снежного обрушения. При этом слова «обвал», «лавины» в устном предании, естественно, не употреблялись, не использовал их и собиратель Визе. В исходном тексте снег «сильно нависал» на верху горного склона. Для установления соответствия авторы прибегли к внешним аналогиям: способ обрушения снега с горы и коллективная смерть врагов в предании очень похожи на сход лавины и ее губительные последствия в реальности. Персонажи предания применили свое, неведомое врагам-чужеземцам знание для того, чтобы погубить пришельцев. Структурно-семантическая основа сюжета сохраняется во всех его литературных вариантах. Рассказ драматизирует историческое прошлое места, но в первую очередь он служит совсем иным целям. Снег в предании является средством спасения людей, он на стороне «своих». Новые «пришельцы» под снегами погибать не должны, и они сделают для этого все возможное. Их персонифицированным врагом являются не люди, а горы и порождаемое ими явление – лавины. В пересказах начинает использоваться именно это понятие. Один из самых кратких и четких пересказов принадлежит доктору наук, специалисту в области гляциологии и лавиноведения К. С. Лосеву и включен в его научную монографию: «Здесь еще в 1912 году со слов местных жителей саами было записано предание о том, как чужеземцы напали на них, и они были вынуждены спрятаться на вершине горы, куда поднялись по безопасному склону. Враги же стали подниматься по лавинному склону, на который мудрая старуха-саами набросала сухие стебли осоки, чтобы создать впечатление, что именно здесь саами поднялись на гору. Снег обвалился, и враги погибли в лавине» [6: 9].

По существу в приведенном рассказе изложена схема сюжета предания, перечислены основные его мотивы: нападение врагов, попытка

избавления от них бегством, избавление от врагов хитростью, уничтожение врагов, – в полном соответствии с международной фольклорной традицией и классификацией мотивов преданий о борьбе с внешними врагами. Попытка систематизации мотивов таких преданий (среди прочих) в севернорусском фольклоре была предпринята Н. А. Криничной [4: 288–291]. Разновидности сюжета и отдельные варианты создаются за счет конкретизации мотивов и их комбинаторики: «каждое воспроизведение, как правило, включает элементы, которые отсутствовали в непосредственном источнике, но принадлежат арсеналу жанра (т. е. подмножеству текстов данного типа) или целой традиции» [10: 7]. Реализуя в конкретных текстах прототипические образцы, предание «вносит архаические схемы и мифологизирующие “коррективы” <...> в представления о мирской истории» [5].

Мотивы рассматриваемого саамского предания, растиражированного к настоящему времени в литературных и медийных вариантах, находят аналогии в восточнославянском, прибалтийско-финском, скандинавском фольклоре. Данный сюжет можно соотнести не только с преданиями о борьбе с внешними врагами, но и с преданиями о чуде – мифологическом аборигенном народе, который некогда жил на территориях расселения русского и ряда финно-угорских народов. Цикл преданий о чуде изучен достаточно глубоко, в том числе на севернорусском и норвежском материале [15], [16]. Группа мотивов об исчезновении «чужеродного» населения разнообразна, в том числе включает мотивы самопогребения путем обрушения на себя строения или «ухода в землю» [14].

При всем том мотив гибели антагонистов или чуждых аборигенов собственно под снежным обвалом относится к редким. По крайней мере, в имеющихся публикациях полных соответствий нет. Зато есть варианты, в которых враги погибают под обрушившейся скалой, и, очевидно, эту форму мотива следует считать наиболее близкой варианту Визе. Среди опубликованных текстов преданий о борьбе с иноплемненниками встретились типологически сходные рассказы о «Немецкой щелье» (скале), записанные в 1960-е годы в деревне Вирма Беломорского района Карелии [4: 156–157]. В обоих вариантах бог «свалил скалу» на иноземных захватчиков, в одном случае они именуются шведами, в другом – немцами. С нашим преданием их сближает и мотив «следа», оставленного неприятелем. Если в тексте Визе знаком присутствия немцев оказывается пуговица, якобы найденная родственником рассказчицы, то в русских вариантах из Карелии – оставленный «сапог», на который указывает «дыра» под горой и которым пугают детей.

Как правило, скала или камни с горы обваливаются на врагов в результате действия магической силы, спасительного «чуда» или хитрости воинов, которые заводят противника под камнепад.

Распространенной воинской хитростью является случай «мнимого проводника». В русской истории и культуре его символизирует фигура Ивана Сусанина. Собственно этот мотив и является сюжетообразующим в саамском «Сказании...». Среди текстов Интернета встретился такой вариант, размещенный одним из пользователей сети в 2010 году: «Юмьекорр – “Ущелье мертвых”. И связана с ним легенда. Что де во времена гостомысловы (или иные столь же древние времена) шло шведское войско брать дань с саамов. Но саамы дань платить не хотели. Откочевали они подальше от своих обычных стойбищ. И вызывался меж них саамский Иван Сусанин, и согласился он вести шведов якобы к саамскому лагерю как раз через этот перевал. А его сородичи уже ждали наверху, и обрушили на незадачливых шведские головы обвал из каменных глыб (все, кто был в Хиби́нах, поймут, насколько это серьезно). И стал перевал братской шведской могилой, и назван поэтому “Юмьекорром”, Ущельем Мертвых. А может, были те иноземцы и не шведы (а к примеру норвежцы или финны)»¹². Текст заслуживает подробного комментария. Пока ограничимся тем, что отметим не только его соответствие кросскультурной фольклорной модели и русскому историческому мифу, но и отсутствие в нем какого-либо упоминания о «лавине», несмотря на то, что воспроизводится тот же сюжет, что у авторов, которые пишут об истории лавин, и связанный с тем же природным объектом. В достоверности сведений о «противнике» саамов пишущий сомневается, не будучи уверенным в своих знаниях, но в любом случае этноним «немцы», уместный для периода, когда так именовали всех иноземцев, уже исключен.

Приведенный текст обнаруживает сущностную черту преданий, которая не выражена ни в варианте Визе, ни в поздних литературных компиляциях и перелицовках, но свойственна устной традиции. Речь об этиологической функции фольклорных исторических рассказов, которые в живом бытовании чаще не просто ассоциированы с местом, но объясняют его название, то есть являются топонимическими. В силу этого их можно считать просто предназначенными для экскурсионных, презентационных и туристических программ и сайтов. Текстуально самый близкий «Сказанию...» вариант размещен на сайте, который презентует Кольский полуостров как «реальность» и фольклор (в виде «легенд», «сказок», «историй»). В этом варианте, в отличие от многих других, есть мотив оставленных захватчиками следов пребывания: «Потом на том склоне лопари оружие нашли, да монеты, которые от врагов остались»¹³.

Естественно, что предание о саами, погубивших иноземного неприятеля, часто фигурирует на сетевых сайтах с целью представительства

географического объекта, причем как с упоминанием о «лавине», так и без него: «Ущелье Юмьекорр, или, Яммейкорр, от саамского “яммей” – мертвый (Ущелье Мертвых; название связано с преданием о гибели шведов, напавших на саами в конце XVI века), разделяет массивы Хибинпахкчорр и Юмьечорр»¹⁴; «Перевал Юмьекорр (“Ущелье мёртвых”, от “яммей” – “мёртвый”). Старое предание гласит, что в конце XVI века на Екостровский погост напали “шветы”. Часть неприятелей саамы заманили в это ущелье и убили. Остальные погибли под лавиной, сошедшей с крутого склона горы»¹⁵ (ср. вариант Ю. Л. Зюзина [3: 6]). К тому же природному объекту в силу его названия привязывается совсем другой сюжет о гибели врагов – известное этиологическое предание о происхождении минерала эвдиалита, именуемого «лопарской кровью», которое воспроизводится, как правило, в версии А. Е. Ферсмана [12: 68]. Так и в варианте, найденном в одном из туристических дневников в Интернете: «Юмьекорр – в переводе с саами (лапландского) это значит – ущелье мертвых. <...> Согласно существующей легенде, в далекие времена воинственные шведы напали на страну саамов, увели оленей, забрали пастбища, убили людей. Лопари смогли прогнать завоевателей. Последний бой состоялся в мрачном ущелье. Тогда погибло много лопарей, и их кровь навечно застыла на камнях алыми каплями. Уникальные минералы с алыми вкраплениями, называемые эвдиалитами (орфография оригинала. – О. З., И. Р.), встречаются только в Хиби́нах»¹⁶. Необходимость объяснить появление «крови» на камне исключает иной способ победы над врагом, кроме как открытый бой.

Столь же редким, как мотив погребения противника под снегом, является в «Сказании...» мотив ложного следа, по которому направляют врагов. Обыкновение класть в обувь высушенную осоку, отмеченное собирателем в примечании и проигнорированное остальными авторами, относится к этнографической реальности саами. Такая «частность» легко поддается варьированию, но между тем она запоминается именно в силу своей экзотичности. Эта деталь отсылает еще к одному мотиву военной хитрости: имитации своего присутствия (здесь – направления пути) с провокационной целью. Большей частью этот способ используется, когда нужно имитировать многочисленность или наличие войска. В целом способы, которыми хитрые воины заставляют антагониста вступить на гибельный путь, различаются в зависимости от типа гибели. Например, одним из распространенных является мотив подрубленного льда, когда противника заманивают и топят в реке, озере или болоте. Он типичен для преданий о чуди и не только.

Таким образом, можно проследить, как предание, глубоко укорененное в фольклорной традиции, «присваивается» книжной и медийной

культурами. Процесс этот сложен. С одной стороны, при включении фольклорного текста в поле литературы происходит его формальная стабилизация, которая «приводит к увеличению количества значений подобного текста, к множественности конкурирующих во времени истолкований», тогда как «многовариантное устное произведение, как правило, предполагает одно значение и не требует особых усилий истолкователя для его понимания» [11]. В зависимости от целей, установок, знаний интерпретатора, фольклорный текст, будучи по природе «знаковым», может означать разные вещи, указывать на разные исторические, природные, социальные реалии – по выбору того, кто его использует. В свою очередь, восприятие текста как «фольклорного» способствует свободному

с ним обращению и смыслопорождению. В особенности это касается бытования в сетевых коммуникациях. Возможности выбора ограничены исключительно логикой повествовательных структур, которые и «удерживают» реальность в фольклоре: «Только через посредство этих структур общественному сознанию могут быть предоставлены матрицы, которые способны обеспечить сохранение и передачу информации, потребной для разных аспектов жизнедеятельности человеческого сообщества» [9]. Наполнение их содержанием и наделение смыслами детерминировано личностно и институционально. Так предание о победе саамов над иноземными захватчиками становится свидетельством исторической значимости работы противолавинной службы в Хибинах.

* Статья выполнена при поддержке грантов РГНФ по проектам № 15-11-51004 «а(р)» «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова» и № 16-11-51002 «а(р)» «Осмысление опыта советской урбанизации арктической территории в мемуарно-биографических источниках: социально-антропологический ракурс».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Материалы из фондов Историко-краеведческого музея г. Кировска. КП-243 ОДФ-243. Заседание комиссии по принятию мер против снежных обвалов. Машинопись (копия). 1935. С. 13.
- ² Материалы из фондов историко-краеведческого музея г. Кировска. КП-2925 ОДФ-1614. Зеленой И. К. Опыт первых лет борьбы с лавинами в Хибинах. Машинопись. 1961. Л. 4–5.
- ³ Примечание Визе: «Горы к востоку от озера Имандра».
- ⁴ Примечание Визе: «Ущелья в Хибинах против острова Высокого (Tschoksuol)».
- ⁵ Примечание Визе: «В каньги (лопарская обувь с острыми, загнутыми вверх носками) лопари кладут в виде стелек высушенную осоку (трава, растущая в болотах), обладающую большой гигроскопичностью. Осока по-лопарски *suijl*».
- ⁶ Примечание Визе: «Вставать – взбираться».
- ⁷ Текст оформлен в соответствии с правилами орфографии современного русского языка. Пунктуация сохранена.
- ⁸ Примечание собирателя сохранено: «Пахта – скалистый склон».
- ⁹ Примечание автора-мемуариста И. К. Зеленого: «Юлевчорр находится к северу от Кировска».
- ¹⁰ Примечание собирателя сохранено: «Вставать – взбираться».
- ¹¹ Примечание собирателя сохранено: «Пахта – скалистый склон».
- ¹² Хибинь. «Ущелье мертвых» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arkthur-kl.livejournal.com/781345.html> (дата обращения 12.09.2016).
- ¹³ Как лопари хитростью от врагов избавились // Кольский полуостров – Реальность. Легенды. Сказки. Истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shvedirina.ru/kak-lopari-khitrostyu-ot-vragov-izbavilis> (дата обращения 12.09.2016).
- ¹⁴ Юмьекорр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.1543.su/khibiny/pass/2/info.htm> (дата обращения 12.09.2016).
- ¹⁵ Перевал Юмьекорр (Ущелье Мертвых) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wikimapia.org/7844912/ru> (дата обращения 12.09.2016).
- ¹⁶ Безумные похождения москвичей в Хибинах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://factum.diary.ru/p127315556.htm> (дата обращения 12.09.2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов М. И. Снег и снежные обвалы / Акад. наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 99 с.
2. Горышин Г. А. Лавина // Хибинь: Повести, рассказы, очерки. Л.: Сов. писатель, 1979. С. 160–198.
3. Зюзин Ю. Л. Хибинская лавинада. Вологда: ООО ПФ «Полиграф-Книга», 2009. 332 с.
4. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. Л.: Наука, 1991. 328 с.
5. Левинтон Г. А. Предания и мифы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton4.htm> (дата обращения 12.09.2016).
6. Лосев К. С. По следам лавин. Л.: Гидрометеиздат, 1983. 136 с.
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.
8. Народный эпос русских лопарей. Материалы / Собр. В. Ю. Визе // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (Журнал жизни Северного Края). 1917. № 1. С. 15–24.
9. Неклюдов С. Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60: Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. СПб: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2007. С. 77–86.
10. Неклюдов С. Ю. О мифологических моделях в устной традиции // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: Сб. статей / Сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 7–15.
11. Неклюдов С. Ю. Традиции устной и книжной культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov6.htm> (дата обращения 12.09.2016).
12. Пация Е. Я., Разумова И. А. Genius loci (А. Е. Ферсман) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2006. С. 60–69.

13. Смирнов В. М. Снежный человек из Хибин: [О В. Н. Аккуратове]. Л.: Гидрометеиздат, 1966. 147 с.
14. Смирнов Ю. И. Самопогребение чуди // Народные культуры Русского Севера: Материалы российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 года) / Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. С. 58–64.
15. Чудь в устной традиции Архангельского Севера / Сост., подгот. текстов, коммент., указатель, словарь Н. В. Дранниковой; Под ред. Н. В. Дранниковой. Архангельск: Поморский университет, 2008. 148 с.
16. Drannikova N., Larsen R. "Tsjudefolket" i norsk og russisk folkløre // Haloygminne. Harstad, Halogaland historielag. 2006. № 2. S. 109–123.

Zmeeva O. V., Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre, RAS
(Apatity, Russian Federation)

Razumova I. A., Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre RAS
(Apatity, Russian Federation)

THE SAMI SAGA AS A "SOURCE" ON THE HISTORY OF AVALANCHE DEFENSE IN Khibiny

The article is devoted to the problem of interaction between literature and folklore sources in the process of constructing the history of the Northern territory development. The problem is considered on the basis of textual materials comprising biographical literature, sketches, local history, and special literature reflecting the history of the struggle with avalanches and accounts of activities ensuring safety in the area of the Khibiny. Due to the absence of consistent resident population and the lack of systemic observations the appeal to the knowledge of indigenous single individuals turned out to be the only tool of obtaining information on occurring avalanches. One of the literary sources, a historical text of the Sami saga about the struggle with foreign enemies, was used as a "precedent". The use of the folklore plot helped to construct the history of the place and to define the mission of the "nature conquerors" in its development. The same folklore story is used on different websites to study other versatile problems. Analysis of the texts helps to clarify the mechanisms of appropriation and reinterpretation of the folklore sources by literature and media cultures.

Key words: Literature, folklore, saga, source, Sami, avalanches, development of the North

REFERENCES

1. Anisimov M. I. *Sneg i snezhnye obvaly* [Snow and avalanches]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk, 1958. 99 p.
2. Goryshin G. A. *Avalanche* [Lavina]. *Khibiny: Povesti, rasskazy, ocherki*. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1979. P. 160–198.
3. Zyuzin Yu. L. *Khibinskaya laviniada* [The Khibiny massif Lavinia]. Vologda, Poligraf-Kniga Publ., 2009. 332 p.
4. Krinichnaya N. A. *Predaniya Russkogo Severa* [Legends of the Russian North]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 328 p.
5. Levinton G. A. *Predaniya i mify* [Legends and myths]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton4.htm> (accessed 12.09.2016).
6. Losev K. S. *Po sledam lavin* [The tracks of avalanches]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1983. 136 p.
7. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2007. 784 p.
8. Folk epic of the Russian Lapps: Materials [Narodnyy epos russkikh loparey: Materialy] / Coll. V. Yu. Vize. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa (Zhurnal zhizni Severnogo Kraya)*. 1917. № 1. P. 15–24.
9. Neklyudov S. Yu. Notes on "historical memory" in folklore [Zametki ob "istoricheskoy pamyati" v fol'kløre]. *AB-60: Sbornik statey k 60-letiyu A. K. Bayburina*. St. Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge Publ., 2007. P. 77–86.
10. Neklyudov S. Yu. On mythological models in the oral tradition [O mifologicheskikh modelyakh v russkoy traditsii]. *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve: Sbornik statey*. Moscow, RGGU Publ., 2013. P. 7–15.
11. Neklyudov S. Yu. *Traditsii ustnoy i knizhnoy kul'tury* [On the oral tradition and book culture]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov6.htm> (accessed 12.09.2016).
12. Patsiya E. Ya., Razumova I. A. Genius loci (A. E. Fersman) [Genius loci (A. E. Fersman)]. *Severyane: Problemy sotsiokul'turnoy adaptatsii zhitel'ey Kol'skogo poluoostrova*. Apatity, Izd-vo KNTs RAN, 2006. P. 60–69.
13. Smirnov V. M. *Snezhnyy chelovek iz Khibin (o V. N. Akkuratove)* [Snowy person from Khibiny: (On V. N. Accuratov)]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1966. 147 p.
14. Smirnov Yu. I. *Tampographie Chud* [Samopogrebenie chudi]. *Narodnye kul'tury Russkogo Severa: Materialy rossiysko-finskogo simpoziuma (3–4.06.2001)*. Ed. N. V. Drannikova. Arkhangel'sk, Pomorskiy gos. universitet Publ., 2002. P. 58–64.
15. *Chud' v ustnoy traditsii Arkhangel'skogo Severa* [Chud in the oral traditions of the Arkhangel'sk North]. Ed. N. V. Drannikova. Arkhangel'sk, Pomorskiy gos. universitet Publ., 2008. 148 p.
16. Drannikova N., Larsen R. "Tsjudefolket" i norsk og russisk folkløre // Haloygminne. Harstad, Halogaland historielag. 2006. № 2. S. 109–123.

Поступила в редакцию 09.11.2016